

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ОБЩАК НА ДОЛИ
НЕ ПОРУБИШЬ

Сергей Зверев

Общак на доли не порубишь

«ЭКСМО»

2010

Зверев С. И.

Общак на доли не порубишь / С. И. Зверев — «Эксмо», 2010

Стар стал хранитель воровского общака Монгол. Пришла пора подумать о том, кому передать кассу. Выбор пал на вора в законе Карла. Но один из новоиспеченных «законников» Пашка-Крематорий не прочь сам стать смотрителем общака, чтобы пустить воровские деньги в личный оборот. Выход у Пашки один: подставить Карла в глазах криминальных лидеров. Тогда утратившего авторитет вора вряд ли выберут смотрителем общака. Вот только сам Карл не привык, чтобы с ним обращались как с желторотым юнцом. И он считает, что пришла пора напомнить Пашке старое неписаное правило: фуфлыжник долго не живет...

© Зверев С. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Иванович Зверев

Общак на доли не порубишь

Глава 1

В наполненной не выше тюремного норматива камере Бутырки шла обычная жизнь, каждый из содержащихся в следственном изоляторе коротал время, как умел. Кто резался в «стирки» – карты, отгородившись на шконке занавесочкой, кто играл в нарды, кто смотрел телепередачи. В это время одновременно работали два телевизора. По одному шел футбольный матч; на экране второго телевизора гордо вышагивали манекенщицы, демонстрируя высокую французскую моду.

– У меня такая же в Саратове осталась, – зычно проговорил худосочный первоход в круглых очках-велосипедах.

– Если ноги от ушей, то и задница у нее вместо головы, – пробасил один из зрителей – любителей высокой моды.

– Пошел ты... – Очки-велосипеды блеснули.

– Куда? – тут же зло прозвучал вопрос.

Мгновенно воцарилась тишина. Все ждали, что же ответит очкарик. Даже картежники выглянули из-за занавески.

– Фильтруй базар, очкарик. Так куда ты его послать хочешь? – неожиданно произнес смотрящий хаты – сорокалетний Андрей Кувалов с погонялом Кувалда.

– В баню... – упавшим голосом произнес саратовец, в первый раз оказавшийся на бутырских нарах.

– Баня еще через три дня, – не стал настаивать на сатисфакции мужик, – в баню можно. Правда, лучше бы ты меня в другое хорошее место послал. Я бы не отказался.

– Вы «сеансов» насмотритесь, скоро и телевизор трахнете, – произнес Кувалда, отворачиваясь к стене.

Вся камера тут же взорвалась дурацким смехом. На воле от такой шутки никто бы, наверное, даже не улыбнулся.

В коридоре загремели ключи, и дверь камеры отворилась. Кувалда даже не повернулся.

– Кувалов, на выход, – лениво процедил сквозь зубы конвойный.

Кувалда, не выказывая удивления, неторопливо поднялся со шконки – сохранял достоинство. В камере, как в волчьей стае, только почуют слабость жожака, тут же повиноваться перестанут. А власть свою Кувалда держал железной рукой.

– Стоять, лицом к стене, – скомандовал конвойный.

Андрей Кувалов чуть медленнее, чем следовало, повернулся лицом к шершавой стене, заложил руки за спину. Железная дверь в камеру с грохотом затворилась.

Кувалова конвоировал парень в камуфляже, вооруженный дубинкой и баллоном со слезоточивым газом. Кувалда не спрашивал, куда и зачем его ведут, это одно из главных тюремных правил. За решеткой человек не принадлежит самому себе, куда ведут – туда и пошел, нет выбора.

Наконец конвойный распахнул дверь. За ней оказалось узкое и высокое, как стакан, помещение, всю меблировку которого составляли стол и два табурета, намертво прикрученные к полу. В таких кабинетах проходят допросы или встречи с адвокатами.

Андрей Кувалов опустился на табурет и положил перед собой руки на стол. Не сказав ни слова, конвойный вышел из комнаты.

Несколько секунд спустя дверь отворилась вновь, Кувалда даже не счел нужным обернуться.

– Здравствуйте, – услышал он спокойный мужской голос и тут же почувствовал, что в помещении запахло дорогим одеколоном.

– Здравствуйте, если не шутите. – Кувалда исподлобья глянул на элегантного мужчину в дорогом костюме, темно-синей рубашке и ярко-красном галстуке.

Позолоченные пуговицы поблескивали, отражая в себе лампочки. Лицо мужчины, умное и дородное, показалось Кувалову знакомым, но где и при каких обстоятельствах они встречались, вспомнить не смог. Знал наверняка, что вместе им сидеть не приходилось. Мужчина хоть и не чувствовал себя подавленным в тюрьме, но «домом родным» Бутырку наверняка не считал. Попытки поздороваться за руку не сделал. Взгляд его был немного брезгливым.

– Андрей Александрович, – вкрадчиво произнес он, – я ваш новый адвокат. Зовут меня Святослав Петрович Нардов.

И тут Кувалда припомнил, что уже не раз слышал об этом человеке. Среди бывалых эков о нем рассказывали чудеса. Говорили, что этому юристу под силу составить любую бумагу. Что даже убийц он умеет вытаскивать под залог. Даже самые безнадежные дела принимали к пересмотру и кистили по ним срок в два раза.

– Меня попросили выступить в вашу защиту. Вам платить мне ничего не придется.

– Интересно, и кто же выступил моим спонсором? – удивился Кувалда.

Нардов с глубокомысленным видом воздел глаза к грязному потолку:

– Этот человек не хотел, чтобы прозвучало его имя.

– Тогда и разговор окончен, – резко произнес Кувалов, попытавшись встать из-за стола, но Нардов остановил его взглядом.

– Выбор упал на вас почти случайно. Подошел бы любой смышленный эк. Я не сказал, что платить не придется вообще. Услуга за услугу. Вы выполните, что я вам передам, а взамен за это я попытаюсь вытащить вас отсюда.

– Что от меня требуется?

Святослав Петрович вежливо улыбнулся, и было в его улыбке что-то неискреннее. Темно-карие глаза покрылись масляной поволокой.

– Буду краток. Завтра к вечеру один из ваших сокамерников должен очутиться в тюремной больнице...

– Это не ко мне, – перебил Кувалов, – лепила решает, кому в больничку закосить.

Кувалда, как смотрящий хаты, знал, что сегодня в больничке уже оказались три вора в законе, значит, готовится толковище. Авторитетам предстоит перетереть и принять решение. Не водку же пить они там станут. Самого Кувалду, ясное дело, никто на подобные мероприятия не приглашал – цветом не вышел.

– Если бы мне был нужен лепила, я бы к нему и обратился. Все равно, кто окажется в больничке, это на ваш выбор. Но повреждения должны быть серьезными. На грани выживания. Вам ясно? Именно на грани. Морг никому не нужен.

– Чего ж не понять, – хрустнул мощными руками Кувалда, – найти терпилу и «покошмарить» по полной программе, но только чтобы не сдох.

– Все правильно. Вы согласны?

– Сделаю, – немного подумав, согласился Кувалов, ибо обратной дороги у него не было. Потому как в тюрьме и на зоне – железное правило: «мужик сказал, мужик сделал».

– Вот и отлично. – Адвокат облегченно вздохнул. – Надеюсь, теперь ваши дела пойдут лучше. Только постарайтесь сами не засветиться, чтобы мне потом вас от еще одной статьи не отмазывать.

Нардов подсунил на подпись документ. Кувалда прочитал его от первой заглавной буквы до последней точки. Ничего особенного, обычный договор с адвокатом о передаче ему права представлять интересы обвиняемого.

– Желаю удачи. – Нардов произнес это таким тоном, что было понятно: если Кувалов не исполнит обещанного в точности, ему не жить – что-что, а смысловые оттенки своему голосу Нардов придавать умел.

Папка захлопнулась.

– Вот и все. Охрана! – позвал адвокат. – Можете увести.

Конвойный с бесстрастным лицом открыл дверь и скомандовал:

– На выход.

* * *

После отбоя камеру заливал мертвенно-синий свет. Кувалов никак не мог заснуть. Сегодняшняя встреча с Нардовым сломала его, потому что подарила надежду. А надеяться на лучшее – самое плохое для арестанта. Уж лучше подготовиться, что тебе впаяют «десятку», а потом получить «пятак», чем наоборот. Тогда и пять лет неволи покажутся детским сроком.

Во сне арестанты иногда вскрикивали. Было слышно, как плачет, не просыпаясь, под шконкой – «на вокзале» – молодой шнырь. Кувалов повернулся на бок и отбросил одеяло. На втором ярусе нар поблескивали круглые стекла очков первохода. Парень боялся снимать их на ночь, чтобы ненароком не раздавить во сне.

Кувалда сел, прислушался, никто не пошевелился. Он поднялся, прошел вдоль нар, всего на секунду задержался возле очкарика, сунул руку под самодельную подушку и тут же выдернул. И если бы не синий свет, то было бы видно, как прилила кровь к лицу выдавшего виды блатного.

– Прости меня, господи, – прошептал он, уже вернувшись на место.

* * *

В тот самый день, когда адвокат Нардов появился в Бутырке, чтобы сделать Кувалде странное предложение, главный врач тюремной больницы Петр Алексеевич Барсуков слегка поправил свое материальное положение. На автомобильной стоянке, где он всегда оставлял свою «Ладу», Петр Алексеевич открыл машину, приспустил стекло в задней дверце, а затем хлопнул себя по лбу, словно что-то забыл, и заспешил прочь. Барсуков ничего не забывал, просто ему надо на время отойти в сторону. Но Петру Алексеевичу было страшно, что кто-нибудь заподозрит, поймет, почему это он не спешит уехать домой, вот он и прикинулся забывчивым.

Барсуков – высокий дородный мужчина с чуть обрюзгшим лицом, закурил и нервно затаился. Сегодня ему уже пришлось поволноваться, когда по его распоряжению в тюремную больницу перевели трех воров в законе, сидевших в Бутырке. Перевод всей троицы он устроил по достойным веры диагнозам, почти не сочинял, ведь настоящих хворей у высоких авторитетов воровского мира хватало. Все-таки тюрьма – не курорт, и здоровья никому из сидельцев она еще не прибавила. По большому счету придраться было не к чему, даже если бы на доктора и наехало начальство.

«Ну да, подстраховался, – сказал бы он. – Можно было и не госпитализировать, но сами же понимаете, если вдруг окажется, что законник умрет из-за того, что ему вовремя не оказали помощь... Это же грозит бунтом в тюрьме».

Начальство и слова не сказало. Сколько и кто, кроме него, получил денег за эту госпитализацию, Барсуков не знал и не хотел об этом думать. Его интересовала только его собственная доля.

В тюрьме работа не сахар, того и гляди, подхватишь туберкулез или взбесившийся от безысходности арестант наградит тебя СПИДом, вцепившись зубами в руку. Корячиться за одну зарплату, проводя каждый день за решеткой в обществе преступников, нормальный человек не согласится. И потому взятки Петр Алексеевич считал справедливой добавкой к денежному довольствию. Он-то считал, но государство полагало иначе, вот и боялся всего Барсуков, боялся панически.

«Боже мой, – думал он, глядя на свою машину, поблескивающую лаком на солнце, – ведь могу же позволить купить себе хороший новый автомобиль – немецкий или японский, а езжу на отечественной развалюхе. Могу купить квартиру побольше и ближе к центру, но живу с женой в той, какую получил еще от государства. Могу поехать отдыхать за границу, но приходится ездить в Сочи и жить в дешевеньком доме отдыха... Но ничего, когда выйду на пенсию, оттянусь. Вот тогда и пригодятся мои сбережения. Пенсионерами никто не интересуется», – утешил себя тюремный врач.

Сигарета сотлела уже до самого фильтра, а Барсуков не выпускал ее из пальцев и даже время от времени делал вид, что затягивается. Он не боялся, что его обманут и не привезут обещанные деньги, он боялся, что его поймут родные правоохранительные органы.

На стоянку зарулил черный «Лексус» с тонированными стеклами. Автомобиль медленно ехал, словно водитель выбирал место для парковки. Барсуков следил за ним, не отрывая глаз. Возле «Лады» водитель даже не сбросил скорость. Вроде бы ничего и не произошло, но напряженный взгляд тюремного врача засек, как из окошка «Лексуса» вылетел небольшой цилиндр и напрямик угодил в приоткрытое окошко его машины. Проехав стоянку, «Лексус» покинул ее и вскоре уже растворился среди других машин, на прощание мигнув Барсукову габаритами.

Петр Алексеевич задумчиво принялся насвистывать мелодию из Моцарта. Он возвращался к машине не напрямик, а сделав крюк, чтобы удостовериться, не следит ли кто за ним. Лишь оказавшись в салоне, он решился заглянуть в зеркальце заднего вида, укрепленное на ветровом стекле. Поправил его и разглядел на заднем сиденье небольшой, но тугой скруток долларов, завернутый в прозрачный полиэтилен и перетянутый аптекарской резинкой. Тут же отвел взгляд. Даже если бы сейчас на его машину налетели «маски-шоу», а омоновцы выволокли и бросили его лицом на асфальт, доказать потом было бы ничего невозможно. Отпечатков пальцев на деньгах нет.

«Подбросили!» – твердо стоял бы он на своем, и самое странное, что его оправдали бы.

В том, что при надобности ему поможет один из лучших адвокатов России, Барсуков не сомневался, сидельцы Бутырки, кому он оказывал услуги, постарались бы – заплатили. Лепила, если он не зверь, считай, единственная уважаемая арестантами профессия в тюрьме. И рассуждение типа: «Все равно на должность Барсукова не вернут. Зачем ему помогать?» – не прошло бы. Придет другой врач, и он будет твердо знать, что в беде его не оставят.

Примерно так рассуждал Петр Алексеевич, выезжая со стоянки. Он твердо знал, что не дотронется до денег, прежде чем не остановится в собственном дворе. Он даже дверки в машине не блокировал, чтобы потом в случае чего иметь возможность оправдаться: «Я же ни от кого не прятался. Да если бы я боялся, то закрылся бы наглухо».

На одном из светофоров, когда Петр Алексеевич еще не успел заскучать, ожидая зеленого сигнала, из машины, остановившейся за ним – темно-зеленого, почти черного «Ленд Ровера», – вышел элегантный мужчина и тут же направился к «Ладе». Барсуков вздрогнул, когда заметил за стеклом темный силуэт, его взгляд приковал к себе красный галстук. Рука сама собой потянулась к кнопке блокировки дверцы. Мужчина нагнулся и постучал в стекло согнутым пальцем.

– Разрешите к вам, Петр Алексеевич. Свет скоро переключат. Не стоять же мне посреди проезжей части.

У Барсукова немного отлегло от сердца, когда он признал в мужчине, обладателе красного галстука, адвоката Святослава Нардова.

– А... это вы, – и тюремный врач приоткрыл дверцу. – Садитесь.

Он затравленно оглянулся, чтобы увидеть, кто же остался в машине, которую покинул адвокат. Но солнцезащитный козырек был опущен, и Петру Алексеевичу пришлось довольствоваться лишь созерцанием волевого, по-модному небритого подбородка.

– Не волнуйтесь, поезжайте, как ехали, меня подберут. – Адвокат улыбнулся одной из своих располагающих к искренности улыбок.

На перекрестке «Ленд Ровер» послушно свернул за «Ладой».

– Прошу об одной чисто товарищеской, профессиональной услуге. – Нардов довольно бесцеремонно открыл бардачок и одну за другой положил на крышку десять сто долларовых купюр, придавил их пачкой сигарет. – В тюремной больнице завтра вам предстоит вызвать к одному пострадавшему консультанта – доктора Иванова, из двадцатой больницы. Скажете, что пострадавший, на ваш взгляд, нетранспортабельный и доставить его в городскую больницу для консультации невозможно.

– Погодите, – возмутился Барсуков, – нет у меня сейчас в больнице нетранспортабельного больного. Нет.

– Завтра будет, к вечеру он будет точно, – голос Нардова переливался, как горный ручей. – Фамилии, к сожалению, назвать еще не могу. Консультанта с реанимационной бригадой вызовите вечером, так, чтобы приехать они могли уже ночью.

– Если вы собираетесь устроить побег, то я...

– Какой побег? Стал бы я в этом участвовать! Просто одному человеку очень нужно побывать в тюремной больнице для важного разговора. Вы же знаете доктора Иванова?

– Конечно, знаю – он ведущий реаниматолог.

– Тогда чего вы опасаетесь? – Адвокат поигрывал откинутой крышкой бардачка, на которой лежали придавленные пачкой сигарет доллары.

– Начальник тюрьмы – не дурак. Мне и так уже пришлось сегодня рискнуть.

– Конечно, не дурак, и в этом я успел убедиться, когда совсем недавно мы с ним беседовали. Смею вас заверить, больница в ближайшие дни его совсем не будет интересовать. – Указательным пальцем Нардов прикоснулся к деньгам. – Вы всего лишь перестрахуетесь, вызовете реаниматолога.

Барсуков колебался. Подставы со стороны адвоката он не опасался, тот ни за что не стал бы рисковать своей репутацией, и не потому, что был очень честным и порядочным. Таких людей среди адвокатов, пожалуй, вовсе не отыскать – не та специфика профессии. Просто, подставив один раз, навсегда потеряешь доверие, тебе больше никто не сделает поблажки, ни за красивые глаза, ни за деньги.

«Хотя, если планируется побег, могут выложить огромные бабки, – подумал врач. – Не стоит себя мучить, – решил он наконец, – надо соглашаться. Стоит только поторговаться».

– Я вас слушаю, – Барсуков бросил равнодушный взгляд на деньги.

– Я уже все сказал. Жду только вашего согласия.

В зеркальце заднего вида маячил «Ленд Ровер» с небритым мужчиной за рулем.

– Даже не знаю, что вам и сказать. Вы меня толкаете на должностное преступление.

– Помилуйте, – засмеялся Нардов, – вся предыдущая часть разговора не более чем возможное допущение. Ведь пострадавший в больницу еще не поступал, он мирно сидит в Бутырке. Он даже знать не будет, почему угодил в больницу и почему к нему отнесутся там с подобающей цивилизованной стране гуманностью. Это только допущение, рассуждения. А факты...

Барсуков глянул на адвоката, в его глазах Нардов прочитал:

«Что ты мне втираешь? Неужели не понял, что денег мало предложил? А если тебя только на штуку уполномочили, то выметайся из машины. За мелочевку не берусь».

Вновь раскрылось портмоне, Нардов вытащил еще пять стодолларовых бумажек, подхватил сигаретную пачку, бросил деньги сверху десяти банкнот и тут же захлопнул бардачок.

– Вот и все, – сказал он.

Барсуков только кивнул в ответ.

– Остановите. Дальше я сам, – попросил Нардов. – День выдался тяжелый. Но удачный благодаря вам. Теперь можно и расслабиться.

«Лада» притормозила у бордюра. Нардов выбрался из машины. Выходя, придержал рукой красный галстук. Тут же остановился и «Ленд Ровер», чтобы подобрать адвоката. Барсуков дождался, пока джип отъедет. За рулем сидел явно не простой шофер – наемные люди так властно не смотрят на мир.

«Видел я его раньше или нет?» – задумался Барсуков.

Память на лица он имел плохую. Лица пациентов его никогда не интересовали, зато держал в памяти особенности строения тел тех, кого ему приходилось осматривать. Досконально помнил татуировки, но не лица.

«Взгляд у небритого странный, – решил тюремный врач, – вроде как правый глаз слегка косит, сразу и не поймешь, куда смотрит».

Барсуков благополучно доехал до своего двора, припарковал «Ладу» за мусорными контейнерами и заглушил двигатель. На дворовой стоянке было пусто – ни одного человека. Деньги из бардачка он выгреб и, не пересчитывая, сунул в карман. Взял и подброшенные в окно машины деньги. Домой подниматься не стал, а сразу спустился в подвал.

Закрывшись в собственном сарае, Барсуков осторожно выдвинул из стены кусок чугунной канализационной трубы. Внешне она смотрелась, как самый банальный «стояк», но на самом деле начиналась у потолка и кончалась в выемке бетонного пола. Деньги, для надежности завернутые в блестящий станиоль и закрученные в толстый полиэтилен, исчезли в ее недрах.

«Ну, вот и все, – с облегчением вздохнул врач, – теперь можно по совету адвоката и расслабиться. Завтра еще немного поволноваться, а там и выходные».

Нардов тем временем сидел в машине и вертел в руках пачку сигарет. Наконец «Ленд Ровер» свернул в боковую улицу и замер у пустынного тротуара.

– Как понимаю, он взял? – поинтересовался небритый мужчина, снял руки с руля и негромко включил в салоне музыку.

– Само собой разумеется, – в глазах адвоката уже не было прежней брезгливости. – Правда, пришлось еще пять сотен сверху накинуть.

– Хорошо, теперь поезжай в двадцатую больницу. Надо, чтобы реаниматолог не передумал.

– Все получится. – Нардов улыбнулся и прикоснулся ладонью ко лбу. – Я пошел?

– Валяй.

«Ленд Ровер» буквально взрыл асфальт шипованными протекторами и умчался по пустынной улице.

– С огнем играет Артист, – то ли восхищаясь, то ли осуждая, произнес адвокат вслед удаляющемуся джипу.

Глава 2

Грохоча алюминиевыми поддонами и распространяя запах тухловатой рыбы, «Фольксваген» с ярко-голубым рефрижератором, на котором красовалась новенькая надпись «Рыба – Пеликан и К°», отъехал от рампы. Металлическая дверь магазина с грохотом захлопнулась.

Не прошло и минуты, как к рампе подлетел броский «БМВ». Взвизгнули тормоза, машина замерла как вкопанная, двигатель мгновенно смолк. Между бампером и бетонной рампой расстояние измерялось сантиметрами.

Из автомобиля уже выбрались двое парней лет по двадцать пять, одетые в спортивные штаны и кроссовки. Оба коротко стриженные, с крепкими шеями, покатыми плечами. На одном была легкая байка цвета весеннего неба, а на другом – оранжевая майка без рукавов; рельефные бицепсы украшала густая, как паутина, татуировка.

Качки неторопливо взошли на рампу.

– Закрыто, – сказал парень в оранжевой майке, несколько раз дернув за ручку.

Его приятель стал к двери спиной и трижды так сильно ударил в дверь ногой, что та задрожала, а по двору покатилося эхо. Даже голуби, сидевшие на жестяной крыше над рампой, взлетели и рассыпались в воздухе, как фейерверк.

– Петрович, подожди! – раздался из-за двери женский голос.

– Какой Петрович на хрен! Инкассация! Открывай калитку! – рявкнул и еще раз ударил в дверь ногой парень в байке.

– Ой, извините! – прозвучал из-за двери возглас.

Не успел в замке повернуться ключ, как парень так рванул на себя дверь, что девушка в белом халате вылетела чуть ли ему не на руки. Она что-то хотела сказать, но, увидев звероватые мрачные лица и татуированные бицепсы, втянула голову в плечи.

– Директор на месте? – почти нежно спросил парень в байке, заглядывая девушке в глаза.

Губы с яркой помадой шевельнулись, она тряхнула головой, показывая в глубь магазина.

Фима и Серый привычно прошли знакомым коридором, свернули направо, обошли два огромных холодильника и оказались перед дверью кабинета с табличкой «Директор Валерий Федорович Желтков». Фима одернул байку, а Серый вытянул руки из карманов штанов. Они вошли в кабинет и уставились на директора – тридцатисемилетнего толстяка в льняном костюме. Тот ответил им вопросительным взглядом.

– Хозяин где? – Фима вплотную подошел к Желткову, развернул вентилятор, под которым сидел директор, на себя и подставил голову под упругую струю воздуха. – Что, в пот кинуло? – Хмыкнув, он взглянул на мокрое от пота лицо директора магазина.

– А что вам, собственно, угодно? – Желтков хотел подняться, но Фима опустил руку на жирное плечо и вдавил директора в кресло.

– Ты не понял, что ли, кто мы, по какому делу? Хозяин не предупредил?

Валерий Федорович опять попытался встать с кресла, но это ему не удалось. Он даже покраснел от натуги.

– Сиди, не менжуйся. Бабло гони! – Серый сел на стол и стал рассматривать свой кулак.

– Мне хозяин никаких распоряжений не давал.

Фима положил пятерню на затылок Валерия Федоровича, сжал пальцы, словно у него под рукой был арбуз вместо головы, а затем резко завалил Желткова на бок к столу и ударил лицом о стол, причем так сильно, что два бокала, один пустой, второй полный, упали на пол и разбились. Желтков завизжал от боли.

Серый взял со стола три шоколадные конфеты, развернул их и по очереди отправил в рот. Фима за редкие волосы поднял от стола голову директора магазина.

– Ну, ты теперь понял, о чем я тебя попросил, или повторить?

Из разбитого носа текла кровь, капли падали на белую майку, на кремовый льняной пиджак и брюки. В общем, вид у директора рыбного магазина, принадлежащего фирме «Пеликан и К^о», был не ахти.

Фима взял телефонный аппарат, поставил рядом с директором:

– Звони Пеликану, непонятливый, а то останешься без носа.

Валерий Федорович, дрожащей рукой схватил телефонную трубку и принялся тыкать пальцем в клавиши.

Желтков несколько дней назад бросил курить. Сейчас ему очень захотелось глотнуть дыма, но сигарет не было, и вместо этого он сунул в рот жвачку. Он уже разобрался, кто пожаловал в магазин. До этого дня общение с «инкассаторами» брал на себя исключительно хозяин Артур Пеликанов, чей номер только что и набрал директор.

– Артур. Они пришли... Забыли? Да-да, я понял... Из выручки? Хорошо... Еще не было инкассации... Хорошо. – Желтков положил трубку на рычаги, испуганно заморгал.

– Что Пеликан сказал?

– Извините, господа. – Желтков приложил к носу платок.

Фима с Серым поняли, что произошло: хозяин не предупредил директора, что сегодня придет «крыша» – забрать деньги. А директор новенький, как и половина персонала в магазине, оказался не в «курсах», вот и попал в неприятную историю.

Директор вытащил из сейфа пачки денег, перетянутые аптечной резинкой.

– В пакет положи. Даже бабки, и те рыбой воняют. И как ты тут дальше работать будешь? – почти с жалостью, глядя на директора, сказал Фима. – И бабы все вонючие, рыбой насквозь пропахли, как бочки из-под селедки.

– Ага, – согласился директор, складывая деньги в непрозрачный пакет для мусора.

– Ну вот, порядок, – похлопал по плечу Валерия Федоровича Фима. – Теперь ты нас знаешь, хозяину будешь напоминать. Больше не забудешь, в зеркало чаще посматривай. До встречи.

Парни вышли на рампу, легко прыгнули к машине, забросили пакет на заднее сиденье. Фима посмотрел на часы, протянул руку, провернул ключ в замке зажигания. Ключ оставался в машине все то время, что они отсутствовали, дверцы приоткрыты, тонированные стекла в окнах опущены.

«БМВ» завизжал протекторами и, развернувшись чуть ли не на месте, умчался со двора.

– Теперь уже все? – спросил Серый.

– Теперь к Карлу, – ответил Фима, – куда ж еще? Пеликан последним был.

* * *

Хозяин небольшого, уютного бара «Лондон», находящегося в ста метрах от людной центральной улицы, сегодня сам стоял за стойкой. Были у него и два бармена, и официант, но сегодняшний вечер накануне выходного дня обещал быть шумным. На двери бара красовалась табличка: «Извините. Закрыто».

В баре на семь столиков и на пять табуретов у стойки, кроме хозяина, находились еще два человека: вор в законе Карл и его девятнадцатилетний крестник Николай Бунин в темных очках на красивом бледном лице. В двери изнутри бара из замка торчал ключ. Музыка звучала непривычно тихо, хотя колонки и аппаратура за спиной бармена-хозяина могли дать такой звук, что стены стали бы пульсировать, а бокалы с коктейлями заползали бы по мраморной плите стойки бара.

Но сегодня был не тот вечер, когда гремит музыка, дверь открыта настежь, а над стойкой до рези в глазах мигают лампочки. Бунин пил кофе, а перед смотрящим – Карлом стояла белая чашка и такой же белый чайник. Карл через ровные интервалы времени наливал в чашку

немного чаю и не спеша выпивал. Его темный дорогой плащ с большими костяными пуговицами висел на плечиках за спиной.

– Еще чего-нибудь, может? – Хозяин бара, коротко стриженный мужчина лет тридцати восьми, вышел из-за стойки и глянул на Карла, сидевшего спиной к двери.

– Не суетись. Ничего не надо. Хороший чай быстро не выпьешь.

Карл не мог сдерживать улыбку, когда смотрел на Бунина. Парень умело изображал из себя слепого – то промахивался рукой мимо чашки, то не мог отыскать ложечку.

За дверью бара, на улице за пластиковым столиком, под единственным раскрытым зонтиком (все остальные были сложены) сидели двое блатных с синими от татуировок кистями рук. Одеты они были модно. На одном черный, на другом белый костюм. И рубашки: у одного белая, у другого черная. Абсолютно зеркальное сочетание, только вот лица и прически разные.

На другой стороне улицы притаилась машина, в которой сидели двое пацанов. Иногда они переглядывались друг с другом – те из машины и эти у двери, под зонтиком. Пепельница, пачка «Кэптен Блэка», две зажигалки, черные очки – все это лежало на льняной скатерти. Если кто-то из прохожих подходил к двери бара и, не заметив таблички, дергал ручку, толкал дверь плечом, один из блатных предельно вежливо, мягким певучим голосом произносил:

– Будьте любезны, не дергайте дверь, сегодня она не откроется. Приходите завтра.

Одного взгляда вкрадчиво говорившего пацана и улыбки его приятеля было достаточно, чтобы без лишних объяснений отойти подальше от бара «Лондон».

Правда, дверь иногда открывалась, но только для избранных.

«БМВ» подъехал так тихо, что даже тормоза не запищали. Дверца распахнулась, и на асфальт вышел Фима. Блатные, один в черном, другой в белом костюме, глянули на него, он на них. Фима подошел к двери, держа под мышкой объемный черный пакет, трижды негромко ударил в стекло, и дверь перед ним открылась. Фима вошел в бар, дверь без промедления закрылась, щелкнул замок. Блатной в черной рубашке поднялся, подошел к машине, нагнулся и, подмигнув, знаком показал водителю, чтобы тот уезжал.

«БМВ» уехал, блатной вернулся на место, закинул ногу на ногу и закурил.

Фима коротко кивнул смотрящему. Карл ответил, бросив на него испытующий, быстрый, как вспышка фотоаппарата, взгляд. Хозяин бара поднял прилавок. За стойкой была небольшая комнатка, где сидел седой мужчина и с ловкостью картежника безо всякой счетной машинки пересчитывал свезенные из района деньги и складывал их в обыкновенную хозяйственную сумку с замком-«молнией». Он принял пакет у Фимы, быстро раскрыл его и тут же брезгливо поморщился.

– А еще говорят, что деньги не пахнут. Да они просто смердят!

– «Пеликан и К°», – уточнил Фима. – А то ты не знал, что рыбные «бабки» привезем!

Немолодой мужчина в вельветовых брюках и сандалиях на босу ногу работал с деньгами быстро. Купюры мелькали в его пальцах, складывались в пачку, шелкала резинка, и пачка летела в черную хозяйственную сумку, банальную, как мусорный бачок. Деньги сейчас для него были просто бумагой, они его абсолютно не возбуждали. А вот Фима сглотнул слюну, когда увидел чрево сумки, набитое тугими пачками банкнот – долларами, евро и рублями.

– Деньги – дрянь, но без них никуда, – сквозь зубы процедил мужчина, показывая Фиме жестом, что он не любит, когда стоят над душой.

Фима покинул комнатку, но не через бар, а по узенькому коридору, где с трудом могли разминуться двое, – к железной двери, у которой стоял блатной с зажженной сигаретой в зубах и «стволом» – рукоятка со спиленной звездочкой вызывающе торчала из-под брючного ремня. Блатной глянул в «глазок» во двор, открыл одну дверь, затем другую. Фима вышел. У крыльца, почти вплотную к двери, стояли три машины. Поодаль, метрах в пятнадцати, у «БМВ» топтался Серый.

Бунин допил кофе, выкурил четвертую за час сигарету. Карл взглянул на часы.

– Ты еще кого-то ждешь?

Законник кивнул, насупил седые брови. Лицо у него стало суровым, и Николай, хорошо знавший Карла, понял, что тот взволнован и не пытается скрыть беспокойство.

Хозяин бара закатал рукава белой рубашки и принялся протирать стаканы. Карл клацал затвором бензиновой зажигалки, а когда ему это надоело, зажег ее, но сигарету прикуривать не спешил, вертел в чутких пальцах вора-карманника, играл с нею. Наконец прикурил, защелкнул крышку.

В это время из-за стойки вышел кассир:

– Одного еще не хватает. Ждать будем?

– Будем.

– Чай? Кофе? – спросил хозяин, когда кассир подошел к стойке.

– Минералки. Душновато там.

– Кого ждем? – спросил Бунин, прекрасно зная, что Карл не из тех, кто позволит красть у себя время и станет ждать припозднившегося с платой «бизнесюгу».

Николай не мог понять, почему вор в законе не схватит мобильник или не пошлет пацанов разобраться, чтобы быстро смотались туда-обратно и привезли если уж не деньги, то информацию. Карл больше не глядел на часы. Чай в чайнике уже давно кончился, законник сидел неподвижно, с полуприкрытыми глазами, словно вспоминал что-то далекое. Иногда на тонких губах пробегала, как ветер по паутинке, волна улыбки и тут же гасла. Если бы Бунину не надо было притворяться слепым, то он взял бы с полки какую-нибудь книжку и принялся читать, не спеша переворачивая страницу за страницей. Но роль слепого музыканта следовало играть до конца. Из всех присутствующих только Карл знал о нем правду.

Николай смотрел на дверь сквозь темные стекла очков, курил, разглядывал руки Карла и его лицо, пытаясь отгадать, к кому же это вор в законе так неровно дышит, что даже опоздание прощает.

Вдруг Карл вздохнул, открыл глаза:

– Замаялся?

– Есть немного, – ответил Бунин.

– Ждать надо уметь. Иногда ждать тяжелее всего на свете, хотя жизнь человека и есть ожидание смерти с момента рождения. И вот что интересно, никто ведь и не спрашивает: хочет человек на белый свет появиться или нет? Хочет он бояться смерти?

Карл взял зажигалку, спрятал ее в кулаке. А когда разжал пальцы, зажигалки на ладони не оказалось. Бунин сделал вид, что ничего не заметил, он ведь слепой.

За дверью бара «Лондон» резко и противно взвизгнули тормоза. Бунин даже поежился. А законник и не шелохнулся, не повел головой. Из машины, остановившейся в переулке прямо напротив бара, выскочил мужчина с портфелем, резко захлопнул дверь. За ним следом выбежала девушка, тряхнула копной черных кучерявых волос.

– И я с тобой, – закричала она. – Слышишь, дед, не хочу я одна в машине сидеть, надоело мне!

Блатной метнулся девушке наперерез, но широкоплечий пожилой мужчина с седыми волосами гаркнул утробным голосом:

– Меня Карл ждет.

Блатной отступил.

– Открой, – сказал Карл хозяину, вставая со стула и потягивая спину.

Мужчина вошел, следом за ним – девушка.

– О, да ты не один! – Карл пожал руку пожилому мужчине, похлопал его по спине.

– Прости, застрял в пробке – ни туда и ни сюда.

– Понятно. Присаживайся. А это что за красавица, прямо цыганка? Кармен какая-то. Лицо знакомое.

– Внучка моя Светлана.

Карл отступил на шаг, сощурил глаза, изучая внучку бизнесмена, торгующего сантехникой, Анатолия Ивановича Железовского.

– Не сразу признал. Ребенком еще недавно была. Незадача вышла. Волосы у нее теперь темные и кучерявые. Она же брюнетка, а звать Светлана. Непонятки, Толик, непонятки...

– Да кто ж ее знал, какая она будет, когда вырастет? Родилась, вообще волос не было; пушок светленький, и все.

– Я вас тоже помню. Маленькой на колени меня к себе сажали. – Светлана Железовская, ничуть не смущаясь, оглядывалась по сторонам, – и на скрипке я вам играла. Вы еще сказали, что у вас виолончель итальянская дома есть. Вас Олег Карлович зовут, вы приятель моего деда. Почему же вы теперь Карлом называетесь?

– Я и тогда Карлом назывался. А теперь не лезь, Светлана, во взрослые разговоры.

Все казалось девушке удивительным – и мужчина, метнувшийся наперерез деду, и Карл, которого она видела последний раз лет пять тому назад, он стал теперь такой же седой, как ее дед, и красивый парень с бледным лицом в черных очках, и бармен, слишком уж солидный для такого маленького заведения.

Карл не сказал Анатолию Железовскому «садись», не принято это слово у бывших зэков. Он просто кивнул, сделал едва заметный жест рукой, и Анатолий присел за стол, но не за тот, где расположился Бунин, а за соседний. Бизнесмен, приехавший с внучкой, передал пакет кассиру.

– Книги я тебе привез, Карл.

– Книги? – не сразу сообразил смотрящий.

– Те, что должен был сегодня отдать.

– А... да, мой человек их просмотрит.

Кассир с пакетом исчез в задней комнатке, а Светлана подошла и села на место Карла прямо напротив Николая.

– Дед, – обратилась она к Железовскому, – у меня денег нет, а я кофе хочу.

– Мы не долго, – строго произнес Железовский.

– Ну что ты так! Нельзя отказывать красивой девушке. Нельзя ее обижать. Приготовь кофе. – Карл говорил тихо, но его все слышали, в том числе и бармен.

– И мне, – вставил Бунин.

Карл и Железовский тихо переговаривались; казалось, они просто сидели и глядели друг на друга. Каждый из них видел что-то свое, но вспоминали они одно и то же.

– Тебя как зовут? – первой спросила Светлана.

– Николай, – ответил Бунин.

– Мое имя ты уже слышал – Светлана.

– Слышал.

– Ты для прикола очки носишь? Или... – Девушка замялась.

– Нет, я слепой, – без тени смущения сказал Бунин.

– Извини, я сегодня взбалмошная. Сама не знаю, что говорю.

– Ничего страшного. Я привык к этому, а раньше я видел.

– Совсем-совсем не видишь?

– Я не вижу тебя, только слышу.

– Как интересно! Музон какой-то знакомый, – вдруг сказала Светлана и принялась перебирать пальцами по столу, словно играла на пианино.

– Шуман, попсовая обработка, – сказал Бунин, глядя на тонкие без маникюра пальцы Светланы.

– Похоже, точно, Шуман! А ты меломан? – уже заинтересовавшись Николаем, спросила девушка.

– Люблю музыку и даже немного играю.

– На чем, если не секрет?

– На клавишах, на рояле.

– Я на скрипке, – призналась девушка. – И честно тебе скажу, надоела мне моя скрипка, как горькая редька. Если бы не дед, я бы уже послала всю эту музыку. Но он меня пилит по-черному, каждый день заставляет заниматься.

Бунин смотрел на Светлану и видел, что она не совсем понимает, в какой компании оказалась.

«Наверняка дед ее оберегает, балует, вот и смотрит девчонка на мир через розовые очки».

– Он у тебя музыкант?

– Какой музыкант, сантехником торгует! Музыканта нашел. Король унитазов, умывальников начальник. Ну, это я шучу. Он просто клевый, суперный дед, я бы без него пропала. Дед меня сегодня брать не хотел, а я увязалась, он мне ни в чем отказать не может. И чего он упирался? Всех-то дел было Олегу Карловичу книги передать. А какие книги, даже не сказал.

Бунин поздновато понял, что девушка ему уже успела понравиться.

«Не так чтобы очень, Светлану красавицей не назовешь, высокая, тонкая и... какая-то нервная. Тонкий нос, большие глаза, чувственный рот и волосы, похожие на черную грозовую тучу». – Бунину захотелось дотронуться до них, на вид они были мягкие. Даже зуд появился на кончиках пальцев.

Светлана красиво держала чашку в длинных чувствительных пальцах, красиво поворачивала голову на тонкой шее, красиво и немного грустно улыбалась. И Бунин понимал, почему ее улыбка немного грустная – она его жалеет. Она уверена, что он слепой. Он чувствовал, что девушке хочется спросить у него, но она не решается. Бунин даже вопрос угадал: обычное желание зрячего узнать, как воспринимает мир человек, лишенный зрения.

Но вопрос задать Светлана Железовская не успела, как и не успел спросить у нее номер телефона Бунин. Она, в свою очередь, подумала, что если напишет телефонный номер на бумаге, то Николай и прочесть его не сможет.

– ...если что, не стесняйся. Твое опоздание сегодня – это ерунда. Я ведь тебе по жизни должен, – тихо сказал Карл, глядя в глаза Железовскому. – С тобой мне тяжело расчитаться будет.

– Ладно, не надо. Мы уже люди в возрасте; видишь, внучка какая? – Железовский повернул голову и помрачнел, увидев, что Светлана болтает с парнем в темных очках.

Кто может сидеть в баре вместе со смотрящим? Молодой жулик. Кому же захочется, чтобы его внучка связала свою жизнь с преступником?

Железовский встал:

– Прости, что задержался. Не получилось вовремя приехать, больше не повторится. С другого ты бы шкуру спустил.

Карл покусывал губу. У него на глубоких залысинах поблескивали капельки пота.

– Светлана, пошли.

Федор, хозяин бара «Лондон», подошел к двери и повернул ключ.

– До встречи, – тихо, но так, чтобы услышала Светлана, сказал Николай.

– Надеюсь, – как бы между прочим обронила девушка, тряхнула головой, и ее черные волосы разметались по плечам.

Появился кассир и коротко сказал:

– И тут порядок.

– Тогда едем.

Карл редко кому жал руку, и хозяин бара в число избранных не входил, законник удостоил его еле заметного кивка.

– Ты теперь за девкой побежишь? Девка красивая, – подшучивая над Буниным, сказал Карл. – Я бы за такой красавицей... в твои годы... – Законник махнул рукой, дескать, что я тебе рассказываю, у самого глаза есть, хоть и не все об этом знают. И тут же уже для кассира и для хозяина бара громко произнес: – Вот если бы ты ее видел, тогда бы понял, о чем я говорю, в следующий раз попроси лицо пальцами ощупать. На месте не усидишь.

Бунину хотелось выкрикнуть:

«Да видел я, видел! Нравится она мне, согласен я с тобой, и найду я ее, не сегодня, конечно, а завтра или послезавтра, и даже дед ее не отговорит со мной встречаться. Хотя он не простой «бизнесюга», а, судя по всему, твой кореш, Карл».

Все, кроме хозяина бара, вышли во двор, быстро расселись по машинам. Три автомобиля, словно по команде, сорвались с места и через арку выехали в переулок.

– Все путем, слава богу, – сказал Карл, посмотрев на часы. – Монголу ждать не придется. Не любит он ждать.

Карл, как всегда, когда вез «филки», сам сидел за рулем машины.

– Слушай, а кто это был? – спросил Бунин, глядя на рубиновые огни передней машины.

Карл догадался, о ком спрашивает Николай, но в ответ лишь пожал плечами, словно не понял, кем интересуется крестник.

«Если не отвечает, значит, так надо», – решил Николай, приглаживая волосы.

Через полчаса кортеж уже был за Кольцевой дорогой.

Подобная процедура повторялась два раза в месяц. Деньги сдавались в воровской общак регулярно, как в банк. Вор в законе, носивший погоняло Монгол, уже десять лет сидел на воровском общеке. Он никому не делал скидок. Общак «филки» – это серьезно и свято. Монгол год тому назад настоял на том, чтобы один молодой авторитет был раскоронован только за то, что играл в карты на предназначенные для общака деньги. Авторитет не проигрался в минус, ему удалось отыгаться и «филки» привез вовремя, но он не имел права рисковать тем, что ему не принадлежало. Случай из ряда вон выходящий, даже старые воры не могли припомнить точно, когда в последний раз была раскоронация. Монгол уже не покидал свой дом-крепость несколько лет, прикованный болезнью к инвалидной коляске, но за делом смотрели его доверенные люди, смотрели строго и поблажек никому не давали.

Так уж сложилось, и Монгол не возражал, что Карл, поставленный смотрящим одного из центральных районов, неизменно привозил «филки» на час раньше отпущенного срока.

«Я во всем люблю иметь запас», – объяснял законник.

Но уже истекал час с того момента, как в доме Монгола должен был появиться Карл, а того еще не было. Монгол знал: случись что-нибудь серьезное, ему бы дали «звон», поставили бы в известность. Карл не мог просто так сломать годами установившийся ритуал приезжать раньше назначенного. И тем не менее это случилось, казначей занервничал. На Карла он имел серьезные виды. Казначей лучше, чем кто другой, понимал, что сам он не вечен, болезнь съела его, и он уже много раз просчитывал в уме возможные варианты передачи общака Карлу – более достойного вора на роль казначея он не видел. Монгол подозревал, что Карл постарается отказаться, но, в конце концов, никуда не денется, если братва так решит.

Монгол сидел у балконной двери в гостиной чуть меньше часа. Он даже послал доверенного блатного – Цыгана к «Лондону», посмотреть, не случилось ли беды. Карла все еще не было.

Казначей смотрел в окно на летний закат. Рядом с инвалидной коляской стоял хромированный штатив с капельницей. Игла была воткнута в вену левой руки, и Монгол иногда, скопив зрачки в узких глазах, смотрел на то, как розовая прозрачная жидкость, похожая на молодое вино, капля за каплей втекает в его тело. Жидкости в бутылке становилось все меньше и меньше, а Карл все не появлялся.

Рядом с инвалидной коляской на столике лежал мобильный телефон. Стоило взять его, набрать номер Карла и узнать, что с ним. Но казначей воровского общака к трубке не притрагивался. Час еще не прошел, и позвонить Карлу значило показать, что ему не доверяют. Смотрящий был вправе приехать и минута в минуту.

Уже третий год в доме Монгола жил врач. Раньше хватало одного-двух визитов в неделю, а с тех пор как казначею пришлось обзавестись инвалидной коляской, помощь могла понадобиться в любой момент. Монгол до последнего времени цеплялся за жизнь, в душе надеясь, что произойдет чудо и он вновь станет хозяином своему одряхлевшему телу. Но с полгода, как что-то сломалось в нем, он перестал бояться встречи со смертью, смирился с ее неизбежностью. И вот тогда... нет, конечно же, он не выздоровел. Болезней у него было так много, что врач иногда даже терялся, не зная, с какой бороться в первую очередь. Но произошла стабилизация.

«Теперь я мумифицировался и буду жить вечно», – шутил Монгол.

Изредка он позволял себе выбраться из коляски, пройти по комнате, лечь в кровать. Спал Монгол мало. Диагнозами перестал интересоваться.

Окна в доме раньше открывались редко, элементарного сквозняка могло хватить для того, чтобы Монгола свалила пневмония. Тюрьма – не курорт, оттуда здоровыми не выходят. Оттуда выносят тяжелые воспоминания и зачастую неизлечимые болезни. Теперь же казначей позволял себе иногда посидеть у открытого балкона. За решеткой в сырых камерах и холодных бараках Монгол провел немало – четыре ходки было за плечами. Во вторую его короновали. Вспоминать тюрьму и лагеря Монгол не любил, хотя его память хранила все – имена, погоняла, запахи, погоду. Он помнил номера камер, в которых «парился», и если бы захотел, то смог бы восстановить любой из дней, проведенный в тюрьме, или лагере, или в вагоне на этапе.

Но зачем себя изнурять страшными воспоминаниями? Жизни и так осталось мало.

Дверь в комнату открылась, в стекле двери на балкон отразился лысый блатной с оттопыренными ушами и странным погонялом Чук. Он тихо произнес одно лишь слово:

– Карл.

Пальцем правой руки Монгол подозвал Чука и показал, чтобы тот переставил капельницу, подкатил кресло к дивану. Карл вошел, черный плащ накинут на плечи, кепка зажата в руке. На одутловатом мучнисто-белом лице Монгола появилась улыбка, не вымученная, не поддельная, а искренняя; так Монгол улыбался редко кому.

Карл приблизился, и они поздоровались. Карл, сжав пальцы Монгола, ощутил, что рука у того влажная, холодная, хотя Монгол постарался, чтобы его рукопожатие оказалось сильным.

– Располагайся, – слабым голосом произнес Монгол. – Проблемы были?

Карл бросил на край дивана плащ, сел, закинул ногу на ногу, провел ладонью по седому ежику волос.

– Не гони, Монгол, я вовремя, – смотрящий постучал ногтем по циферблату часов, – секунда в секунду.

– Все решилось? – не получив ответа на первый вопрос, Монгол задал второй.

Карл кивнул и улыбнулся:

– Знаю, что ты ждал. Рамсы разводил.

– Выпьешь? Закусишь?

– Я не один.

– А с кем? – Монгол наморщил лоб, сдвинул к переносице брови. Пальцы правой руки зашевелились.

– С крестником.

Монгол улыбнулся. Все, что было связано с Николаем Буниным, его радовало.

– Почему в дом не позвал? Мои пацаны его пропустили бы без базара.

– На улице курит. Нравится ему у тебя, слушает, как сосны шумят.

Монгол хмыкнул:

– Шум хвои, конечно, приятный, успокаивает, но я его на лесоповале наслушался вдоволь. Да и ты тоже. Пусть его минует чаша сия, пусть его бог хранит. Хотя он и там не пропадет, твоя у него закалка – крепкая, – рассудил Монгол.

При этом он наблюдал за выражением лица Карла. А тот играл дорогой зажигалкой, вертя ее в пальцах; зажигалка то исчезала в ладони, то появлялась. Монгол даже залюбовался, и не ловкостью, а изяществом, артистизмом, с каким Карл все это проделывал.

– Не забываешь ремесло? Репетируешь?

– Не забываю, – ответил Карл, – на трамвае регулярно катаюсь.

– Оно и правильно. С ремеслом оно всегда проще и спокойнее. И неважно, какое оно; главное – делать это лучше других. Да что я перед тобой распыляюсь, ты это и без меня знаешь. Я твоего крестника уже месяца три, наверное, не видел. Позвал бы.

– Ты приглашаешь здесь, а не я, – ответил Карл. – В другой раз вместе с ним зайдем.

– Знаешь, Карл, – уже серьезно произнес Монгол тем голосом, от которого у блатных, прошедших зону, мурашки по спине бежали, – другого раза может и не быть.

Карл подался вперед, пристально посмотрел в глаза Монгола:

– Ты чего это?

– Слабею. Тяжело признаться, но на кровать без чужой помощи залезть не могу. Мало мне осталось. Ну да ничего, надеюсь, успею. – Глаза у Монгола сверкнули хитрым огнем.

– Что успеешь, Монгол? О чем это ты?

– Я все о том же: готовься дела мои принимать. Вот сдам их тебе, может, легче станет.

– Мне казалось, что ты поздоровел, в силу вошел, – усмехнулся Карл. – Ты мне это уже третий год втираешь – и жив-здоров пока, слава богу.

– Вот именно, слава богу, – Монгол погрозил Карлу пальцем, но при этом лицо его стало невероятно серьезным.

– Пройдет еще год, и мы с тобой это дело обмозгуем, – пообещал Карл и положил ладонь на плечо Монгола. – Ты раньше смерти в яму не лезь и до расстрела не умирай.

– Я знаю, – отрезал Монгол. – Я хочу, чтобы ты, Карл, сказал мне «да». Потому как насильно счастлив не будешь, да и тебе пора с показательными выступлениями в трамваях да переходах завязывать. Если я слово закину, то поставит тебя братва на общак.

– Я вор-щипач, – сказал Карл, затем повторил громко и отчетливо: – Вор! Я в банковских делах мало смыслю.

– Я тебя научу, – прошептал Монгол. – Я ведь тоже вор, и тоже не родился казначеем. Или ты забыл, что я вор?

– Не хочу я этого, – выдохнул Карл. Ему захотелось закурить.

– Ладно, подумаю, – вдруг смягчился Монгол, и его напряженное лицо, до этого застывшее, как гипсовая маска, немного расслабилось. – Так ты подумай, Карл, – произнес он, протягивая руку, – и не удивляйся, если слух среди братвы пойдет, что я тебя на ближайшем сходняке предлагать стану. Так надо.

Карл пожал холодную ладонь, кивнул на прощание и тоже улыбнулся, давая понять казначею воровского общака, что напрасно тот гонит волну, что жить ему еще долго.

И Монгол понял, что Карл в своем поступке абсолютно искренен и не пытается его обмануть, а по-настоящему желает ему здоровья, того самого, которого Монголу не доставало.

Бунин ждал Карла, сидя на крыльце, с погасшей сигаретой в пальцах. В темных стеклах очков отражался закат, бледное лицо казалось золотым. Такими же были и руки с длинными, чуткими пальцами музыканта. Бунин слышал, как открылась дверь, но голову не поворачивал, продолжая играть роль слепого.

– Пойдем, – сказал Карл, тронув его за плечо.

Они сели в машину.

– Ну, как Монгол? – спросил Николай.

– Тебя хотел видеть.

Бунин кивнул. Машина выехала за ворота и помчалась к Москве.

Глава 3

Наступившее тюремное утро в Бутырке не отличалось от всех остальных, похожих друг на друга. Шныри повыползали из-под нар – с так называемого «вокзала» – и принялись за уборку камеры. Ночью влажность стояла такая, что с вечера даже не успел просохнуть бетонный пол. Арестанты, неразговорчивые после сна, приводили себя в порядок. Вентилятор, переданный с воли, гонял по камере затхлый воздух, настолько спертый, что казалось, тот прилипает к лицу.

Кувалов, стараясь не афишировать своего интереса, следил за очкариком. Тот, не поднимая подушки, небрежно заправил постель и уселся поверх одеяла, сложив по-турецки ноги.

Наконец в камеру заехал баландер с тележкой. Арестанты тут же оживились. Не так хотелось есть, как появилось у сидельцев хоть какое-то дело. Тюремная пайка для человека, не так давно покинувшего волю, несъедобна, да и продуктов, переданных родственниками, обычно хватает. Однако есть ритуалы тюремной трапезы. На каждого заключенного положена на день половина буханки черного хлеба – чернушки. Хлеб всегда привозят и раздают буханками. Дележ хлеба на равные части – особое искусство. Чем разрежешь, если ножи в следственных изоляторах запрещены? На каждое «нет», «запрещено», «не положено» у арестантов существует свое решение. Хлеб режут толстой натянутой ниткой. И если тот, кто делит буханку с соседом, разрезал не пополам, это еще полбеды. Просто он обязан отдать большую часть, а меньшую взять себе. Но упаси бог взять себе большую. Этим премудростям первоходов – впервые оказавшихся за решеткой – учат сразу же, когда они попадают в камеру.

Очкарик больше всего боялся нарушить одну из неписаных заповедей тюремной жизни. Вчера ему повезло, что не успел договорить, куда именно он хотел бы отправить одного из мужиков. Могло бы кончиться плохо, произнеси он хоть первую букву слова из трех букв. Поэтому очкарик-первоход старательно семь раз примеривался, прежде чем перерезать суровой ниткой буханку хлеба, а потом без сомнений отдал соседу ту часть, которая показалась ему большей.

Кувалда терпеливо ждал. Его чуть выцветшие голубые глаза прятались за прикрытыми веками. Он якобы смотрел телевизор, половина камеры собралась у «ящика», чтобы посмотреть утренний повтор криминальной хроники. Другая половина не смотрела только потому, что видела этот выпуск вчера. Доброхоты подсказывали, на что стоит посмотреть внимательнее в оперативной съемке:

– Братва, смотри, как он сейчас менту ввалит, только шлем отлетит.

И точно, на экране телевизора худосочный парень, только что передавший подсадному покупателю наркотик, оказывался перед лицом оперативника, переодетого мотоциклистом. Двое ментов в штатском уже схватили его сзади. Паренек, еще не понявший, что его схватили милиционеры из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а не «нарки», пожелавшие отнять товар, ударил мотоциклиста ногой в голову. Шлем покатился к оператору, ведущему оперативную съемку.

– Конкретно врезал.

Если бы в камере был видеомagneтофон, то и без криков «бис» фрагмент повторили бы.

– Я убегать от мусоров могу, прятаться могу, но если уж взяли, то сразу сдаюсь, – прозвучал хриплый голос. – Неохота еще один срок на себя вешать.

– Сразу – руки-ноги склеиваешь и мертвым притворяешься?

– Почему бы и нет? Если ты махалово устроишь, ментам это только на руку.

День шел своим чередом, в разговорах, играх, без всяких косяков...

Очкарик отложил книжку, дочитав ее до постельной сцены; у него не выходила из головы блондинка, оставленная им в Саратове. Так явно ему представилось, что красотка сейчас с

другим мужчиной и ублажает его так же, как и его самого, что усидеть на месте он не смог – соскочил с нар и поднял подушку. Знал, что сигарет у него почти не осталось – две штуки, потому и тянул с курением ближе к вечеру.

Очкарик застыл: рядом с двумя завернутыми в газетную бумагу плоскими «приминами» россыпью лежали четыре сигареты с желтыми фильтрами.

– А я-то думаю, куда у меня за ночь сигареты пропали? – прищурился Кувалда.

У очкарика дыхание перехватило от страха, он не мог выдать из себя и слова в оправдание.

– Я... я... – шептал он.

– Братва, – Кувалов поднял над головой зажатые в пальцах сигареты, – крыса на хате! У меня скрысятничал, отвечаю.

– Хата крысу не потерпит! – послышалось со всех сторон.

Кувалов ударил очкарика кулаком в солнечное сплетение и тут же отступил на шаг. Первоход, согнувшись пополам, несколько секунд еще сохранял равновесие, затем стал падать, и Кувалов толкнул его изо всей силы в спину. Послышался хруст очков. Когда первоход приподнял голову и подслеповато прищурился, он тут же получил удар в затылок. Один из «шестерок» Кувалова уселся на него верхом и бил парня лицом о бетонный пол. Потом в его пальцах Кувалда заметил тонкое лезвие, выломанное из пластикового бритвенного станка. Перехватил вопросительный взгляд.

– Только не «мочить», – властно проговорил Кувалда, выходя из обступивших очкарика арестантов.

Били парня не долго – уже через минуту за дверью послышались торопливые шаги коридорного. «Шестерка» за уши приподнял голову парня с пола и заглянул в залитые кровью глаза: – Если скажешь, кто бил, – тебе не жить. – И с ловкостью кота отскочил в сторону...

Когда дверь в камеру открылась и на пороге появились вооруженные дубинами коридорные, то все арестанты уже жались по углам. Посреди камеры, напротив своих нар лежал первоход, вокруг его головы уже успела натечь небольшая лужица крови. Он скреб ногтями шершавый бетон пола.

– Заснул и со шконки, со второго яруса свалился, – спокойно пояснил один из «шестерок», – все видели.

– Именно так и было...

– Сам видел...

– Спал он, гражданин начальник.

Зазвучали голоса, сперва неуверенно, а потом все громче. Но мгновенно стихли под злобным взглядом коридорного.

– Вы у него спросите, – посоветовал «шестерка» из блатных.

– Обязательно спросим, – пообещал коридорный, – а ты, Кувалов, если что, ответишь.

– Я упал, сам упал... – чуть слышно проговорил парень и замер.

– Не сдох. Дышит, – резюмировал коридорный в камуфляже.

Кувалда сжал в пальцах сигареты, сломал их, растер в порошок. Он прекрасно знал, что ждет первохода в будущем, если, конечно, лепилы постараются и склеят его. В больничке его никто не тронет, но зато потом, в какую бы хату его ни определили, там уже будут знать о крысе. За крысятничество спросят по полной. Никого не будут интересовать оправдания – кто ж сам признается в краже у сокамерника, да еще не у простого арестанта, а у смотрящего. Первохода опустят, и потом весь срок проведет он в петушином углу. Поскольку тюремный телеграф сообщит о нем все на любую, даже самую далекую зону.

* * *

Воры, обосновавшиеся в «больничке» со вчерашнего дня, преспокойно играли в «стиры» – самодельные карты. На кон ставили немного, по десять баксов. Деньги, естественно, на виду не лежали, хотя при желании они могли бы позволить себе и это.

– Еще кон? – спросил Шнур, шестидесятилетний законник, он сидел на больничной кровати, облаченный в широкую белую рубашку, в разрезе которой покачивался огромный из темного дерева нательный крест на довольно толстом шелковом шнурке.

– Вдвоем толком не поиграешь, – отозвался Хазар, худой старик с золотыми зубами и ярко выраженной семитской внешностью.

Под расстегнутой дорогой спортивной курткой виднелись просвечивающие через кожу ребра и выколотый на груди Георгиевский крест с аксельбантом, свидетельствующий, что законник Хазар принимал участие в лагерном бунте.

– Дьяка будить не станешь, – отозвался Шнур. – Он когда спит, то лучше его не трогать. Сон для него святое. Однажды «дубаку» врезал, когда тот пришел его к куму звать.

Хазар вздохнул и раздал «стиры». Воры могли бы позволить себе и настоящие фабричные карты, все можно купить за деньги, даже находясь за решеткой, но самодельные «стиры» были для них привычней. Они вели себя так, словно одни находились в послеоперационной палате тюремной больницы, хотя тут был народ и кроме них. Вдоль стены тянулся длинный ряд одинаковых кроватей. На них лежали, укрывшись серыми казенными одеялами, арестанты. Большинство из них пострадало во время тюремных разборок. Кое-где высились штативы с капельницами.

Шнур взял в руки карты, всего на мгновение распустил их веером и тут же сложил. Взгляд его оставался бесстрастным. Хазар тоже умел прятать свои чувства, но по тому, как покраснел кончик его хищного загнутого носа, Шнур понял, что противник настроился на выигрыш.

В палату на каталке ввели очкарика, сопровождал его сам Барсуков. Двое санитаров из арестантов, особо не церемонясь, перегрузили первохода на кровать. При появлении врача воры даже не подумали спрятать карты, хотя азартные игры строжайше запрещены тюремными правилами. Но даже последний «дубак» из конвойных знает, что нужно дать довести до конца кон, а уж потом забирать карты и тащить нарушителя-авторитета в карцер. Лишь после того, как Хазар в очередной раз выиграл, Шнур повернул голову. Барсуков уже ушел, у пострадавшего пока еще оставался Александрович – прилаживал капельницу.

– Кого привезли? – бесцветным голосом поинтересовался Шнур.

Александрович только плечами пожал; он понимал, что рассказывать о том, сколько швов пришлось наложить и какое состояние у пострадавшего, не стоит – законника интересует другое.

– Узнай, – сказал в пространство Шнур.

Он мог и сам позвать шныря, орудовавшего в коридоре мокрой тряпкой, но снизить до этого не хотел. Александрович вернулся быстро и рассказал все, что стало ему известно о первоходе – от статьи, по которой его «закрыли», до номера хаты.

– Крыса, значит, – осклабился Шнур, в глазах запрыгали искорки, но тут же погасли.

– Барсуков распорядился вызвать к нему из города реанимобиль, пошел у «хозяина» «добро» просить, – на всякий случай сообщил Александрович.

– За что крысе такая честь? Когда я ночью от прободной язвы подыхал, то лепила только наутро пришел. Может, он свидетель ценный, дружков-подельщиков ментам сдает?

– Нет, просто Петр Алексеевич боится, что его трогать нельзя, может не доехать, – уже отказавшись от попыток вставлять в разговор блатные словечки, сказал санитар с дипломом.

Шнур задумался. Жизнь научила его усматривать в мелочах большой смысл. Если что-то происходит не совсем так, как обычно, значит, возникло подводное течение. Он переглянулся с Хазаром, тот чуть заметно кивнул, что означало: и я так думаю.

– Пусть Кувалда решает, что с ним делать. Если захочет, совет мы ему дадим.

– Так будет справедливо, – подтвердил Хазар и сделал Александровичу знак, чтобы исчез.

– Мутка какая-то, – проговорил Шнур, приблизившись к Хазару так, что они почти соприкоснулись лбами.

– Сперва малява от Монгола пришла, – прошептал Хазар, – а теперь реанимобиль приедет посреди ночи ради крысы. Ты прав, мутка. Думаешь...

Обычно за решеткой не принято интересоваться, кто и про что думает. Здесь каждый отвечает только за себя. Скажешь не то, после ответишь.

– Вскрытие покажет, – невесело улыбнулся Шнур, – если кто решил «на лыжи» встать, мы бы знали.

– Отморозков теперь хватает... – заметил Хазар и принялся сдавать «стиры».

Дьяка будить он так и не решился.

* * *

Вызов реанимобиля из двадцатой больницы в Бутырку был делом исключительным, но вполне объяснимым. Именно в «двадцатку» доставляют арестантов, если им не могут помочь в тюремной больнице.

Было уже за полночь. Реаниматолог – доктор Иванов спустился к машине в сопровождении дюжего ассистента и хрупкой женщины-медсестры в белом халате. Она держала в руке блестящий чемоданчик, украшенный красным крестом. Ассистент был молод и, возможно, поэтому постоянно улыбался, глядя на стройные ноги женщины, выглядывающие из-под короткого халата.

Иванов сел рядом с водителем. Микроавтобус с выключенными мигалкой и сиреной неторопливо выехал с больничного двора. Не успел ассистент и подмигнуть медсестре, которая ему нравилась, как в окошко, отделяющее водительскую кабину от напичканного медицинским оборудованием салона, просунул голову доктор Иванов.

– Забыл сказать. По дороге мы подберем моего коллегу, мне без него не обойтись, вы уж будьте с ним любезней, – проговорил Иванов и тут же задвинул матовое стекло, словно боялся, что его начнут расспрашивать.

– Однако! – произнесла медсестра. – Ты знал?

– Первый раз слышу, чтобы Иванов сам не мог справиться. – И тут же ассистент расплылся в улыбке. – Лучше не думай об этом. У каждого из нас есть свои тайны.

– У меня тайн нет.

– А у меня есть несколько страшных тайн. Одна из них, что я равнодушен к красивым женщинам. Один вид открытой до середины бедра женской ноги приводит меня в состояние...

Медсестра тяжело вздохнула:

– И это говорит медик? Настоящий медик должен уметь абсолютно равнодушно воспринимать человеческое тело.

– Я так не считаю. Например, для меня оперировать мужчин и молодых женщин совсем не одно и то же. Мужика и старуху режу спокойно, а прежде чем разрезать нежную женскую кожу...

Договорить и выяснить отношения им не дали. Реанимобиль затормозил. Боковая дверца отъехала, и в салон неумело забрался крепко сложенный мужчина в накинутом на плечи белом халате. Чувствовалось, что внутри подобной машины он оказался впервые, хотя, если верить словам доктора Иванова, мог бы и его самого поучить.

– Доброй ночи, – хрипло произнес он и огляделся, где бы присесть.

– Доброй... – ассистент опустил откидной стульчик и пригласил: – Присаживайтесь.

Он мог бы предложить гостю место и получше, но тогда бы тому пришлось сидеть, касаясь медсестры плечом.

Мужчина опустил на стульчик, потер небритый подбородок, поставил на колени серебристый кейс с красным крестом, почти такой же, как у медсестры.

– Любите работать только со своим инструментарием? – осведомился ассистент.

– Что? – вздрогнул мужчина, но, заметив взгляд, брошенный на его чемоданчик, тут же исправился: – Конечно. Как говорится, все мое ношу с собой. – И он улыбнулся краешком губ.

– Омниа меа мекум порто, – повторил на латыни ассистент и улыбнулся в ответ.

На лице «коллеги» доктора Иванова промелькнула растерянность, он явно не понимал, как ему реагировать на услышанное.

«Он что, латыни совсем не понимает? – изумился медик. – Я эту поговорку еще на первом курсе выучил. Как он только рецепты выписывает? Стой, – тут же остановил он себя, – у каждого из нас есть свои секреты. Так зачем мне лезть в секреты собственного шефа. Если ему понадобился консультант, не знающий латыни, то так и должно быть».

Медсестра от нечего делать рассматривала гостя.

«Умный взгляд, решительный, – размышляла она. – Не трус. Хотя трусов среди хирургов и реаниматологов мне еще не приходилось встречать. Однако от него слишком сильно пахнет одеколоном. Медики никогда себе такого не позволяют».

– Вы хирург? – спросила молодая женщина.

Ассистент тут же с укором посмотрел на коллегу.

«Ну чего ты лезешь к человеку? Разве не видишь, что ему не хочется отвечать?»

– Неужели Иванов не сказал вам, кто я? – вскинул брови пассажир. – Тогда извините, меня Артемом Дмитриевичем зовут.

Чувствовалось, что произносить собственное отчество он не привык, выговорил его с трудом.

Оконное стекло было полосатым – в прозрачную и матовую полосу. Артем Дмитриевич подался к задней дверце и, убедившись, что «Ленд Ровер» свернул на повороте, прислонился к стене.

– Скоро приедем, – сказала молодая женщина. – А меня Ларисой зовут, когда ко мне по отчеству обращаются – не люблю.

– Тоже правильно. И я не люблю. Где Бутырка, я знаю, хотел в окно глянуть, далеко ли заехали.

– Нас и привезут, и назад доставят, – пообещал ассистент.

– В Бутырку брать билет в один конец опасно, – хохотнул небритый.

Машина сбавила скорость, остановилась. За окнами было очень светло, почти как днем. Тюремные ворота освещались не хуже стадиона во время телевизионной трансляции. Когда автомобиль въехал, ворота закрылись. Вначале доктор Иванов беседовал с охранником, потом тот, сжимая в руке пропуска, заглянул в салон. Наметанным взглядом тут же определил, что в машине никто лишний не прячется.

– Можете ехать, – он вернул документы Иванову.

По тюремному коридору они шли в сопровождении двух охранников, вооруженных дубинками и газовыми баллонами. На ходу доктор Иванов просунул руки в рукава халата и знаком показал, чтобы его гость сделал то же самое.

– Мы торопимся, – обратился доктор к охраннику, когда ему показалось, что тот не спешит открывать решетку-перегородку.

Коридорный, прекрасно знавший доктора в лицо, тем не менее быстрее не пошел. За годы работы в тюрьме он выработал свой ритм передвижения и не мог представить, что можно

ходить по-другому. Если, конечно, не случилось «ЧП»; а то, что один из арестантов может умереть из-за его медлительности, даже при большом желании конвойный не мог отнести к чрезвычайным происшествиям. Как все работавшие в тюрьме, он воспринимал сидельцев как некую безликую массу. Иначе и невозможно. Если начнешь вникать в чужие беды и проблемы, а их за решеткой на каждую душу найдется не один десяток, то просто сойдешь с ума – голова взорвется от ужаса сопереживания.

В больничной палате горела синяя лампочка ночного освещения. Когда отворилась дверь и конвойный подвел к кровати очкарика-первохода доктора Иванова и его бригаду, законник Хазар недовольно пробурчал:

- Спать не дают. – И сел на кровати.
- Включите свет! – распорядился доктор Иванов.

Он говорил громко, словно в послеоперационной палате не было настоящих больных в тяжелом состоянии. Вспыхнули яркие лампочки под высоким сводчатым потолком. Очкарик уже пришел в себя – сознание вернулось к нему. Он смотрел на мир одним глазом, который не мог закрыть – рассеченную бровь подтягивали металлические скобы, поставленные санитаром Александровичем. Второй глаз заплыл, да так сильно, что даже многоопытный Иванов не мог сразу сказать, есть ли он вообще.

- В операционную его! Там и посмотрим, – распорядился Иванов.

– Шнур, секи, – шепотом проговорил Хазар и оттопырил мизинец, указывая им на «коллег» Иванова.

– Сукой буду, да это же Артист, – чуть слышно прохрипел законник, приподнимаясь на локте. – Халат белый нацепил. Вот тебе и мутка.

Санитары перегрузили очкарика на каталку. Доктор обратился к небритому мужчине:

– А вы, Артем Дмитриевич, пока можете осмотреть больного, о котором я вам говорил. Интересный случай. Когда понадобится, я вас позову.

- Спасибо, – прозвучал степенный ответ.

Первохода повезли в операционную. Охранник выходил последним.

- Свет я оставлю включенным, – пообещал он мужчине в белом халате.

- Конечно.

Хазар, еле дождавшись, пока охранник скроется с глаз, цыкнул на мужиков, отдохавших на ближайших кроватях. Те, кто мог, перебрались подальше от авторитетов, кто не мог, скрипя зубами, отвернулись. Несмотря на естественное любопытство, единственным желанием у них было – ничего не видеть и ничего не слышать.

- Артист, – в голосе Хазара звучало неподдельное восхищение, – проведать приехал?

Шнур смотрел на гостя настороженно и мял в руке шелковый шнур нательного креста. Дьяк, как оказалось, не спал, но даже не пошевелился, лежал с открытыми глазами, в которых не было и тени удивления. Будто вот так, запросто любой криминальный авторитет мог ночью с воли наведать тюремную больничку в Бутырке.

– Не забываю братву. – Артист поставил на кровать чемоданчик, поднял крышку и выставил четыре рюмки и фармацевтическую поллитровую бутылку с надписью «Хлористый натрий». – Грев принес.

Хазар прикусил губу и вопросительно посмотрел на Артиста.

- Я тебя почти не знаю, только слышал. А слышал всякое, – холодно произнес Шнур.

- Кто говорил, тот пусть и предъявит, – попытался сохранить достоинство Артист.

– Присаживайся. Не торчи. – Дьяк сел на кровати, и стало понятно, что росту в нем никак не меньше двух метров.

Он был самым молодым из трех собравшихся в палате законников – тридцати пяти лет, двенадцать из которых умудрился провести за колючкой. Артист картинно вынул из кейса тонкую пачку долларов – тысячи на две – и положил перед Хазаром:

– На общак.

Хазар, не моргнув глазом, без эмоций накрыл пачку необычайно широкой для такого худого тела ладонью, а когда поднял руку, пачки американских денег на одеяле уже не оказалось. Артист с уважением дернул волевым подбородком.

– Зачем пришел? – спросил Шнур.

– Грев подогнал, – немного растерялся обычно уверенный в себе Артист.

– Это я уже понял. Не слепой. Перетереть хотел?

Не собиравшись Артист первым начинать этот разговор, думал, хватит того, что он «лавэ» даст, после чего его самого и допустят на толковище. Но ошибся Артем Кузнецов по погонялу Артист. Воры деньги взяли и даже спасибо не сказали.

– Если нет чего перетереть, то будь здоров, разойдемся краями, – тихо сказал Шнур.

– Не спеши, – Хазар поднял руку, останавливая соседа по палате, – может, дело скажет. Пошли в «шушарку».

Санитар с дипломом безропотно уступил блатным свой небольшой кабинетик, хотя уже и задремал там на старом диване.

– Монгол маляву прислал... – начал Артист, когда они остались без посторонних ушей.

– Не тебе подогнал, а нам... братве, – уточнил Шнур.

– Он у вас спрашивает согласие на то, чтобы Карла казначеем общака поставить. – Артист говорил так тихо, что голос его растворялся в воздухе, едва слетев с губ.

– Может, и спрашивает, – заметил Шнур, чуть улыбнувшись, – тебе-то что? Тебя на толковище Монгол не звал.

– Я же такой, как вы. Я тоже коронован на вора.

– Кто тебя короновал, я знаю, – вставил Дьяк, и когда повел плечом, то из-под спортивного костюма показалась восьмиконечная звезда, – только ты законным за «лавэ» стал. Может, на воле тебя кто вором и считает, только не здесь. – Дьяк обвел взглядом осыпавшиеся стены. – На хате тебя бы в мужики определили, а там видно было бы...

– Да у меня бригада одна из самых крутых, – не выдержал Артист и тут же понял, что вновь ошибся, не стоило говорить про это.

– У вора бригады быть не может. Вор на авторитете держится. Базарим, а мне кажется, что не на толковище ты пришел, а «прописку» на хате получаешь. Сколько ходок за тобой? То-то, что ни одной.

Хазар покачал головой:

– Справедливо ты говоришь, Шнур. Но и Артисту есть что сказать. Он не последний в этом мире. Делом доказал.

– Нельзя Карла смотрящим за общаком ставить, – выдохнул Артист.

– Предъявить ему хочешь? – спросил Дьяк.

– Я про Карла ничего плохого не скажу, не слышал. Но теперь времена другие, Монгол по старинке живет. Теперь общак – это не золотые червонцы, в подполье закопанные. Смотрящим человек с новым мышлением должен стать, который и в банковском деле разбирается, и связи у него по всему миру должны быть. Деньги теперь крутятся, через оборот растут.

– И ты это нам объясняешь? – произнес Хазар. – Монгол считать умеет и за Карла ручается.

– Они оба из прошлого, – не выдержал Артист, – а вокруг молодые и образованные, языки знают, за границей учились. Они их, стариков, вмиг по деньгам сделают. Молодым дорогу давать надо.

– Смотри ты, – осклабился Шнур, сверкнув фиксами, – как лектор советский заговорил.

– Я же не себя предлагаю, – набычился Артист, и его небритый подбородок пошел складками, – я о братве пекусь. Общак – это святое.

Шнур уже открыл рот, чтобы сказать, но Хазар поднял ладонь, чувствуя, что сейчас пойдет косяк и лучше вмешаться.

– Кого предлагаешь?

– Пашку-Крематория, – выдохнул Артист.

– Знаем такого, – проскрипел Хазар, – но Карлу он не ровня. Только год, как коронован на вора в законе. И ходка за ним всего одна числится.

– Не я его короновал, – ухмыльнулся Артист. – Ты, Хазар, об этом лучше Шнура спроси.

– Пашка-Крематорий и мой крестник, – неохотно подтвердил Шнур. – Так что за него я отвечаю, но предлагать его не стану...

Законники смотрели на Шнура, ожидая продолжения, старый вор сглотнул набежавшую слюну:

– Вроде... был за ним один косяк. Но обошлось, не подтвердилось.

– Значит, и не было косяка. Пашка в финансах разбирается, под ним два банка с филиалами по всей России, партнеры за рубежом. На Западе татуированных боятся, а Крематорий держаться в обществе умеет. Он с любым договорится. Под него серьезные люди на Западе подпишутся. Сами видите, что сейчас в России творится. Менты да конторщики крышевать принялись. Что будете делать, если они в один момент все наши счета в стране перекроют?

– Выслушали мы тебя, – спокойно подытожил Хазар, – если сказал все, что хотел. Подумаем. Твое право предложить.

– Пашку ставить надо, он аналитик. – Артист почувствовал, что перед ним непробиваемая стена; выслушали, деньги взяли, но сделают все равно по-своему.

Держать удар блатные научены, в этом не одно поколение следователей убедиться успело, и давить на них тяжело, если не бесполезно.

– На наше толковище тебя не звали, – напомнил Дьяк.

– Потому и пришел, чтобы совета спросить, – уже подобрел внешне Артист, хотя в душе ему хотелось послать воров старой закалки куда подальше.

Он уже объехал всех, на кого мог рассчитывать, агитировал за Пашку-Крематория, давил на то, что Пашка силен в легальном банковском бизнесе и команда специалистов у него серьезная. Пока получалось серединка на половинку. Молодые авторитеты, не сильно придерживающиеся понятий, считавшие, что старикам стоит отойти от активных дел, готовы были поставить на Пашку. А старики, те, кого короновали еще при советской власти, склонялись к тому, чтобы поддержать Карла. Да и Монгол его предлагал. Не хватало Артему Кузнецову нескольких голосов. Но хуже всего, что против Карла Артист ничего не мог предъявить. Не числилось за ним ни одного несправедливо решенного конфликта в криминальном мире. Рамсы разводил аккуратно, по справедливости.

– Я-то все понял, – кивнул Хазар. – А ты думаешь, мы не понимаем, что медвежатник, вскрывающий по ночам сейфы, и кроты, роющие подкопы под хранилища, это вчерашний день? Что теперь повсюду компьютеры-шмутеры и карточки пластиковые? И Карл это понимает не хуже тебя, и Монгол. Если братва посчитает, что Пашка-Крематорий казначеем станет, так тому и быть.

В дверь «шушарки» коротко постучали – стоявший на шухере арестант со сломанной рукой увидел, как открывается дверь операционной и из нее выкатывают тележку с первоходом.

– Пора, – попрощался Артист.

Долго воры не толковали. Хазар, устроившись на кровати, вытащил из шва рубашки тонкий капиллярный стержень и принялся отписывать Монголу ответ-малаяву. Мог он воспользоваться и мобильником, припрятанным в матрасе, но был уверен, что менты взяли его на прослушку. Одно дело позвонить, чтобы передали на хату хрусты или подогнали водку, другое – сообщить, кого воры рекомендуют поставить казначеем общака.

Закончив писать, Хазар густо прошил сложенный в несколько раз лист бумаги суровыми нитками и склонился над одним из больных.

– Тебя завтра на операцию увезут. Передашь санитарке, у нее пятно красное на щеке с пятакопеечную монету.

Татуированный с переломанной ногой принял письмо и ловко пристроил его под грязные бинты на гипсовой повязке.

Возвращаясь по мрачным коридорам Бутырки, Артист буквально спинным мозгом ощущал, что, доведись ему попасть сюда в качестве арестанта, не выдержал бы и недели. Не мог он представить себя в тюремной камере-хате, пусть даже на самом привилегированном месте, положенном ему как вору в законе. Артист привык к роскоши, привык в разговоре, в любом конфликте чувствовать за собой силу бригады, мощь стволов. А отбери у него «братков» со стволами, деньги... и станет ясно, что он сам никто и фамилия его никак. Своего авторитета – ноль. Воры дали ему это почувствовать. Они, прошедшие пересылки, зоны, ощущали себя в Бутырке так же естественно и непринужденно, как он, Артист, в дорогом ресторане. Они и за решеткой умели поставить себя, могли взять все то, что хотели.

Его не покидало чувство, что на выходе коридорный преградит ему дорогу, а сзади навалятся конвойные и поволокут на хату, заломив руки, чтобы больше никогда не выпустить на свободу. Впервые выколота на плече змейка, обвившая кинжал – знак законного, – спрятанная под дорогими рубашкой и пиджаком, жгла его.

«Это сейчас воры разговаривали со мной уважительно, почти как с равным. А окажись я с ними в одной камере? Если не признают меня и определяют в мужицкое сословие? Разговор тогда короткий. Времени до отбоя, и, как хочешь, выведи воровскую татуировку. Можешь лезвием срезать вместе с кожей, можешь кипятильником выжечь».

Лишь оказавшись в реанимобиле, Актер почувствовал некоторое облегчение и вздохнул немного свободнее. Наконец исчез липкий, почти панический страх, возникший, когда он после терки с ворами переступил порог тюремной больнички.

Медсестра уже не сомневалась, что перед ней никакой не врач, а тот, кого следовало провести в Бутырку для разговора с авторитетами.

– Артем Дмитриевич, – игриво сощурился глаза, молодая женщина покачивала ногой, – не найдется ли у вас сигареты?

Артем Кузнецов с готовностью предложил пачку. Женщина быстро взяла сигарету, опустила ее в карман халата. Пальцы она держала поджатыми к ладоням. Как медик, она не могла позволить себе длинные покрашенные ногти. Артист, забыв, где находится, сжал сигарету зубами и готов уже был щелкнуть зажигалкой.

– Артем Дмитриевич, – покачала головой Лариса, – тут не курят.

Реанимобиль выехал за ворота тюрьмы. Водитель проехал три квартала. Машин на улицах было немного – ехать одно удовольствие. Огромный «Ленд Ровер» замаячил спереди, справа из окошка высунулась рука. Оба автомобиля остановились у бордюра.

– Ваша остановка, – сказал доктор Иванов, отодвинув матовое стекло.

Артист бросил взгляд на стройные ноги медсестры, заметил недовольное выражение лица ассистента.

– Если будет свободное время, позвоните, Лариса, – сказал он и протянул женщине пластиковую визитку, на которой был только номер мобильного телефона.

Артист сбросил белый халат, запихнул его за носилки и, не прощаясь, вышел из машины.

«Ленд Ровер», развернувшись прямо посреди улицы, пересек двойную сплошную линию посередине дороги и исчез за поворотом. Артист, вопреки своему обыкновению, расположился на заднем сиденье, добрую половину обзора ему закрывала широкая спина водителя. Рядом с Артемом Кузнецовым с плоской фляжкой в руке сидел тот самый Пашка-Крематорий, за которого он агитировал воров. Хороший костюм на Пашке смотрелся органично, как и золо-

тистый, чуть поблескивающий в свете фонарей галстук. Единственным не просто дорогим, а вызывающе дорогим предметом в его гардеробе были часы в тяжелом золотом корпусе. Четыре небольших бриллианта на нем кололи тонкими лучиками глаза Артисту, фиолетовым цветом отливало стекло из хрусталя.

Крематорием Пашка Проклов стал два года тому назад, хотя обычно погоняло прилипает с первой ходки и уже на всю жизнь. Тогда одного за другим похитили управляющих банками, которые он держал под собой. И Пашка посчитал, что лучше будет на время пропасть, пока мать не рассеется.

Куда он подевался, вроде бы не знали даже жена с матерью. А потом в подмосковном водоеме всплыл труп со связанными за спиной колючей проволокой руками и простреленной головой. Поскольку менты отрабатывали в том числе и версию о похищении Пашки, а идентифицировать погибшего по отпечаткам пальцев не удалось – раки обгрызли кожу на руках, то на опознание пригласили супругу Пашки. Она и признала в полуразложившемся трупе своего мужа. Подозрительно быстро тело «Пашки» по настоянию супруги предали кремации. Обычно криминальных авторитетов хоронят с подобающей их положению помпой: в дорогих гробах, с церковным отпеванием, на престижных кладбищах. Так что многие поговаривали, будто Пашка на самом деле жив и в топке вместо него сгорел кто-то другой.

Пашка объявился лишь после того, как милиция задержала убийц банкиров – заезжих отморозков, пытавшихся вымогать у их родственников деньги. До суда никто из них не дожил – всех троих в один день обнаружили мертвыми, хоть и сидели они в разных камерах. Никого не удивило, каким образом трое здоровенных парней сумели повеситься ночью на коротких тюремных полотенцах так, что никто из их сокамерников даже не проснулся. С того случая и прибавилось к имени Пашки зычное погоняло Крематорий. Пашка даже не стал мраморную плиту на «своей» могиле менять, говорил, что теперь смерть не скоро за ним придет, раз уж однажды его похоронили.

Пока ехали – молчали, когда машина оказалась неподалеку от парка, Пашка-Крематорий окликнул водителя:

– Тормозни и иди погуляй, когда понадобится, «звон» сделаю.

Водитель, привыкший, что его боссу то и дело приходится вести беседы без посторонних ушей, покорно взял мобильный телефон и вышел. Вскоре под парковыми деревьями зарделся огонек сигареты.

– Деньги старики взяли? – спросил Пашка и отхлебнул из плоской фляги немного коньяка.

Видно было по глазам, что он уже не раз прикладывался к горлышку, ожидая Артиста.

– Взяли... А толку? Гнилой базар получился, – наконец-то Артист смог закурить.

– Что сказали?

– Ничего конкретного.

– Не менжуйся. Никто тебе «да» или «нет» не скажет. Главное, ты им в головы заронил, что на Карле свет клином не сошелся. А головы у них не для вшей, прикинут, что к чему. По-нашему выйдет. Они сами понимают, что их время ушло.

– Уходит, но не ушло еще. Пока они в силе, а не мы.

– Именно – пока в силе. Скоро все поменяется. Мы за Западом след в след идем. Догожим и перегоним. У них уже мафия другая, чем была лет тридцать тому назад. Все в легальном бизнесе. Я же тусуюсь, людей тамошних хорошо знаю. Мир повидал. Сицилийцы и те изменились, хоть они больше всех за старое цеплялись. Карл... – произнес Пашка-Крематорий и засмеялся. – Он неделю назад показательные выступления устроил. Братву пригласил, показать, что квалификацию не потерял. Демонстрировал, как он в транспорте у старушек кошелек вытаскивает. Два часа в трамвае с ним катались. Развлечение классное. Ты давно в трамвае последний раз ездил?

Вопрос застал Артиста врасплох:

– Лет пять или шесть назад... может, больше.

– И я не упомню. Да и в метро последний раз в прошлом году спустился, когда машина на улице сломалась. Даже не знал, что теперь не пятаки и не жетоны в турникеты бросают, а карточками пользуются. Иногда полезно бывает посмотреть, как люди живут, как по городу передвигаются.

– Так что Карл?

– Режет он сумочки ловко, тут не отнять. Он монетку, как лезвие, заточил и вперед пошел, а братва на задней площадке от хохота давится. Высший класс показал, у лоха одного лопатник из нагрудного кармана вытащил в полупустом трамвае. Поворота дождался, качнулся, лох его сам придержал. «Держаться надо», – говорит. А Карл ему: «Извините, уважаемый». Все чинно и благородно. Но это же клоунада, цирк на проволоке! Кому теперь такое умение надо? В общеке миллионы проворачиваются. А Карл как ребенок радовался, что ему удалось за два часа шестьдесят тысяч российскими выудить.

– Не забывай, Карл не только щипач-виртуоз, но и смотрящий. У Монгола он в большом доверии – а его слово всех перевесит.

Пашка-Крематорий с задумчивым видом допил коньяк:

– Я тоже про это много думал, наверное, больше твоего. Карл только на авторитете держится. Больше не на чем. Ни бригады у него, ни стволов. Сам словно нищий живет, ничего у него за душой нет. А мог бы уже и свое дело наладить. Казино, к примеру, открыть, зал игровых автоматов, если уж правильный очень и воровскую «молитву» блюдет. Полцентра у него под ногами, а он ни себе, ни братве развернуться толком не дает. Все о понятиях толкует. Наркотой заняться нельзя, мол, «дурь» не для блатных. Проститутки тоже – с «мохнатого сейфа» правильным жить запахло. А если подумать, то почему мы должны от этого отказываться, если прибыль в таком деле огромная? Вместо того чтобы подумать, изменить стиль, он образцово-показательные выступления в трамвае устроил. В политике таких, как он, популистами называют.

– Популисты выборы и выигрывают, – заметил Артист.

– Только в нищей стране. А у нас не выборы в Государственную думу.

– Хреново то, что Карлу нечего предъявить. Чист он.

Пашка-Крематорий усмехнулся:

– Это грязному отмыться трудно, а чистого всегда испачкать можно. Я выборную кампанию в областную Думу от А до Я прошел. Хоть в конце и срезали меня, но наука хорошая получилась. Толковые ребята в моем штабе работали. Если нет косяка за Карлом, то его можно устроить. Оправдываться всегда труднее, чем обвинять. Потому в адвокаты умные и талантливые идут, а в прокуратуры – бездари. Я знаю, на чем сыграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.